

Леонид ЛЕОНОВ:

«РАЗУМ ОТКРЫВАЕТ ТО, ЧТО ДУША УЖЕ ЗНАЕТ»

31 мая Леониду Максимовичу Леонову исполняется 93 года. Долгая его жизненная и творческая судьба может показаться фантастической: от детских воспоминаний о покушении Каляева на великого князя Сергея до беседы с организатором ныне уже канувшей в Лету перестройки... Очевидец истории России на протяжении XX века, писатель имеет свой глубоко самобытный взгляд на прошлое, настоящее и будущее Родины.

Леонид Леонов весьма скупо выступает в последние годы в печати. И дело здесь не только в его почтенном возрасте. Имея честь знать Леонида Максимовича, бывая у него в гостях, каждый раз поражаюсь его умению емко формулировать свою мысль, отливает ее в многозначный образ. Спрессованный в дни тягостных раздумий почти вековой жизненный опыт позволил Леонову еще три года назад на страницах «Правды» пророчески предсказать: «...Мы стоим в преддверии грозных событий». И высказаться в те же годы вполне определенно (эту мысль стоит процитировать целиком): «После семидесяти лет беспомощного блуждания по вариантам утопического рая в поисках нашей земли обетованной пора и нам благоговейно, строго и вслух назвать свою путеводную и уже беззакатную звезду,

единственно способную вдохновить наш народ на титанический подвиг воскрешения бедствующей Отчизны, — без чего охватившая нас апатия может последовательно переродиться в нетерпение, отчаяние, в стихийные безрассудства и дальше по ступеням падения. Священное, все еще полужаппетное имя этой звезды давно на уме у всех — Россия».

Слово Леонида Леонова исполнено высшей заботы и печали о всех нас, россиянах, его современниках, о той земле, без которой мы все равно ничего не значим в мировой цивилизации.

Не этой ли высокой требовательностью, даже истовостью вызвано отношение Леонова к своему новому, все еще не законченному роману?.. Писатель как-то показал мне рукопись, его которой в литературной среде ведется немало разговоров. Толстые, выгоревшие на солнце папки с текстом романа и рядом — отдельной стопкой — вставки и добавления к нему. В истории мировой литературы еще не было, пожалуй, книги, которая бы создавалась автором на протяжении почти полувека. Хотя удивляют не сроки, а масштаб предпринятой Леоновым попытки представить, пусть и в гипотетической форме, наше реальное будущее, заглянуть, как он сам говорит, за перевал, дать свои ответы на вопросы, волнующие все человечество. Намерение, требующее поистине мучитель-

ных философских поисков и размышлений, глубинного знания и понимания прошлого и настоящего. А сколько пережито за эти полвека — и народом, страной, и самим писателем — драматичнейших разломов и перемен! Да к тому же, по мысли Леонова, у каждого писателя существует некий биологический период, когда не только происходит физиологическое обновление организма, но и меняется даже лексический строй письма. Так, хвоя осыпается один раз в пять лет.

Рукопись романа постоянно шлифовалась, вставки делались по памяти, они разрастались, приобретали новое звучание. Теперь соединить их с основным текстом все равно, что кожные капиляры сшить.

В одном из опубликованных фрагментов этой книги имеется примечательное рассуждение, дающее представление о тех задачах, которые ставит перед собой Леонид Леонов, и прежде всего в поисках характеристики времени: «Последний век машина цивилизации работала на критических скоростях, с риском смертельной перегрузки. Все сильнее обжигала дыхание взвешенная в воздухе пыль нравственного износа. Диктуемая исторической необходимостью близилась пора генеральной перестройки, когда, на пороге ожидавшегося преобразования, взорвался главный ген предвечной, никогда не

сформулированной идеи, вознесшей род людской превыше прочей живности на земле».

С этой мыслью о гигантском катаклизме, сотрясающем все устои общества (приведенный текст написан в 1984 году), о глобальной проблеме выживания человечества как бы перекликается содержание притчи «Про неистового Калафата» из первого романа Леонова «Барсуки». Там в стилизованной под староверские сказания истории впервые прозвучало предостережение о великом заблуждении рода людского, стремящегося поверить все тайны природы «наукой — еометрией», выстроить в своей необузданной гордыни некую башню до небес, чтобы «поклеить» и звезды. Чем выше забиралась постройка, тем глубже уходила вечная постройка в землю. «Вся еометрия насмарку пошла... Так ни к чему и не приключилось».

Многозначность притчи из далеких 20-х годов обращает нас вслед за писателем к урокам современности. Сможем ли, вставая в землю, находя в ней единственную опору, так приложить свой ум и свои руки, чтобы не творить больше несправедливости и раздора, не конструировать на каждом историческом повороте обманные схемы, не насильничать над природой, не губить свою Родину?.. Те вопросы, над которыми мы бьемся, по предсказанию Леонова, будут определять

наше будущее в далекой проекции. А само человечество станет совершенно иным, мир в корне изменится.

— Для кого же устремляются наши мечты в даль? — задается вопросом писатель. — Что останется от исторического наследия, если мы его опять транжирим до последней полушки?

Вся надежда, не устаю повторять Леонов, видевший и переживший все вековые срывы российской жизни, на человека. Главное — следовать «заповеди о святости и неповторимости людской жизни», той идеи прошлого, которую, как с горькой иронией говорится в одном из вариантов романа «Вор», мы пытались «оскандальить», а проще сказать — ниспровергнуть и в качестве ненужной ветоши сбросить со своей башни счастья.

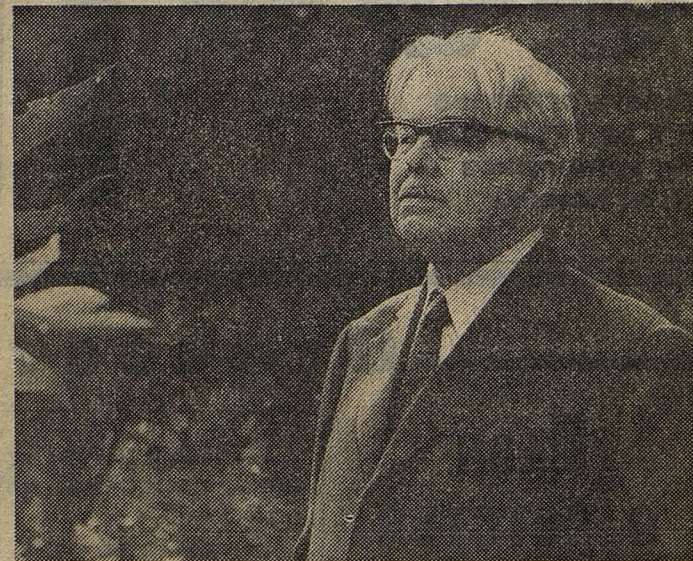
Писатель хорошо помнит, как разменивались вечные эталоны гуманизма на пыльных проселках гражданской войны. Как пустили в распыл свою вековую культуру. Как, наконец, установилась власть провинциального мещанства, хитрая, предприимчивая и мстительная (цитирую его, думаю и о сегодняшнем дне). Жестокие эти уроки Леонов в полной мере испытал и на себе, потому убежден: «Эпоха громадного значения, которая заканчивается, дала нам один вывод: высшей валютой в мире является человек».

И в литературе он прежде все-

го отстаивает ее гуманистическую направленность, подчеркивая, что во все времена и при всех режимах российская словесность творит человека и помогает человеку. «Мне интересен в литературе, — размышляет писатель, — не быт, не факт. О них я могу узнать из документов, из переписки. А как все это отразилось в человеке, в его душе». Или еще афористичнее: «Разум открывает то, что душа уже знает».

И пусть ему постоянно мешали («шесть официально разбитых книг»), отрывали от письменного стола. Он все равно ежедневно и всю жизнь работал. Выходец из среды вольного русского крестьянства и купечества, Леонид Леонов превыше всего ценил личную самостоятельность и независимость. «Ты возьми у меня все, — говорит один из героев писателя, — но дай мне аршин, один аршин земли. И я выращу на нем чудо. Ты увидишь дерево, и птицы на нем гнезда станут вить посреди золотых яблок. Но чтобы аршин этот был мой, сына, внука, правнука моего...».

Кажется, что сегодня, размышляет Леонов, иссякли все резервы, все силы. Необходимо какое-то время, чтобы у людей опять появилась дерзость. К порогу гибели в этом веке Россия не раз подходила. По двадцать миллионов мужиков мы дважды укла-

дывали в землю. Поэтому народ не может оправиться от обморока. Эпоха террора... Трагедия России... Не пора ли одуматься?!

Еще в ранней прозе один из героев Леонова пророчил: «Пришитая борода грядет!.. грядет...» Символом века стали такие «пришитые бороды» — что люди у власти, что их идеи. Надо, нужно собраться, подняться с колен, надеть чистую нательную рубаху и, как на Куликовскую битву, выйти в открытое поле.

...Нет, не оставляет меня одна и та же мысль: пока слышен в нашей жизни голос Леонида Леонова, пока он может преподавать нам уроки пережитого, остерегаться от ошибок, выверять в чем-то

главном нравственные позиции, пока звучит его волшебная по языку проза, постоянно ощущается материковый вес и его значение в отечественной культуре, — словом, пока здравствует мудрый Леонов — не все для России в прошлом. Есть, видится выход, брезжит свет надежды и спасения.

С днем рождения, Леонид Максимович!

Вадим ДЕМЕНТЬЕВ.

(Гонорар за статью прошу перечислить в фонд поддержки газеты «Правда»).

◆
● Л. М. Леонов в 1977 году. Фото из архива «Правды».